

The background of the cover is a dark, textured surface, possibly a door or a wall, with intricate, swirling patterns. In the upper right, a brass bell is mounted on a decorative hook. In the lower center, a glowing blue oval object, resembling a moon or a gemstone, is set within a circular frame with a decorative border. The overall color palette is dark with highlights of blue and gold.

ЧУДИЛЬЩИК

АЛЕКСАНДРА ГАРДТ

12+

Александра Н. Гардт

Чудильщик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50361279

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-06759-2

Аннотация

Можно ли вернуть человека из мертвых? Кто такие чудильщики? Кончился ли капээсэс? Именно такими вопросами в порядке строгой очереди задается пятнадцатилетняя Маргарита. Пытаясь спасти погибшую подругу, она попадает в мир, которым правит Великий Хаос, мир-наоборот. Получится ли у нее пройти его до конца – и какой ценой? «Чудильщик» – новая сказочная история Александры Гардт, в которой энтропия ведет мелодию, а хаос ускоряет темп. Не погибнуть в безумии можно, но для этого вам понадобятся проводники и готовность совершить маленькое обыкновенное чудо во имя дружбы и любви.

Содержание

1. Сон	4
2. Старик	13
3. Изнанка	22
4. Бусы	31
5. Питер	40
6. Цель	48
7. Сборы	58
8. Айним	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Александра Гардт

Чудильщик

1. Сон

Таньки не было уже неделю. Она умерла в скучный, ничем не примечательный осенний день. Но я все равно ждала звонка, сообщения, высматривала на сайте «ВКонтакте» огонек напротив ее имени. Я была уверена, что она напишет мне лично или в какой-нибудь чат. Пошутит, пришлет енотика, потом – панду, и я разражусь глупым, радостным смехом.

Отделится от стены, когда я буду спускаться по лестнице рано утром. Скажет: «Эй, зануда, привет!». А я почти кувыркнусь через десять ступенек, уроню сумку и повисну у нее на шее. Буду висеть и даже ни капельки не заплачу. Честное слово! Она ненавидит слезы и чувство жалости.

Но ее не было.

Всю эту неделю я рисовала Таньку: розовые волосы... стойте, не розовые, нет, цвета «фуксия». Курносость, тяжелый взгляд и миллион сережек-сердечек в ушах. Учителя даже не думали донимать меня за неподобающее поведение, все норовили домой отпустить или подбодрить. Но после похорон (ужасное слово, оно же не про Таньку, правда?) я ска-

зала родителям, что не пойду к психологу и дома сидеть не буду, а в школу – пожалуйста.

Мне нужно было присутствовать на уроках, на тот случай, если Танька вдруг объявится. Я даже украдкой закинула ей денег на мобильный, она вечно уходила в минус. Главная хулиганка школы и я – отличница Маргоша. Мы подружились в пятом классе: она нарисовала на меня шарж на доске, а я треснула ее по голове учебником. Были врагами, но моргнуть не успели, как стали лучшими друзьями навек.

Я рисовала Таньку день за днем. Это было глупо, ведь у меня осталась куча фотографий, но я слышала однажды, что когда закрываешь глаза и не можешь вспомнить ни единой черточки, ты отпускаешь человека, и он уходит в никуда. Еще я читала про стадии принятия горя и то, что время примиряет со всем. Поэтому я послала и психологов, и дурные статейки подальше. Я не хотела, чтобы Танька уходила, и рисовала ее по памяти, закрыв глаза.

– Кольцевая композиция, – вдруг сказала Айсурат, наша русичка, – это когда герой оказывается в тех же обстоятельствах в конце произведения, что и в начале. Автор прибегает к данному приему, чтобы показать, как изменился персонаж.

Дальше и русичку, и класс снова выключило, а я оказалась в неясном полумраке со своим белым листом. Долго черкала и штриховала. На этот раз мне не понравилось, как легла тень, поэтому я убрала рисунок в сумку и достала папку – чтобы продолжить начатое. В голову ударило – это и есть

кольцевая композиция, только теперь Танькин портрет рисую я. Вспомнилось все, через что мы прошли. Ее первое увлечение, моя первая пара, наши закаты на крыше, моя вечная любовь, гулявший со старшеклассницей, ее новый отчим, наше поступление, которое планировалось через два года и на которое у Таньки не было денег. Ее вечная лихая бедность, ее психованная мать.

Меня затрясло, и я снова оказалась в классе. Вскочила на ноги, почувствовала, что сейчас вывернет, и побежала в коридор. Женский туалет на третьем не работал. Надо было понять, что и куда, но голова не варила.

– Маргот, – у меня на пути вырос Ринат, главный красавчик, некоронованный принц школы.

За что нам досталось такое счастье, никто не знал. Он имел дурную привычку называть всех как попало, и ему прощался любой грех.

Я остановилась. Согнулась почти пополам и, чувствуя, как сердце бьется о грудную клетку, видела перед собой только радужные круги.

– Маргот, ну-ка, что с тобой?

Меня куда-то вели, давали воду, терли виски, обнимали и уговаривали. Когда я пришла в себя, увидела, что сидим мы на пятом этаже, у красной лестницы, ведущей на запертый чердак и вечно притягивающей прогульщиков. Сейчас здесь, правда, никого не было, кроме нас с Ринатом. Это он ухаживал за мной, пока я пыталась упасть в обморок.

– Маргот, живая?

Красавчик Ринат смотрел на меня во все свои темные глаза (кстати о вечной безответной любви) и неодобрительно качал головой. На лестнице царил полумрак, лишь из актового зала пробивалась тоненькая полоска света.

– Чего тебе, – устало спросила я, чувствуя, что мир перестает кружиться на месте.

– Мне? Ну, знаешь!

– Знаю, знаю. Давай, выкладывай.

Ринат вдруг замялся. Посмотрел в потолок, поправил рубашку. Ему было пятнадцать, как и всем нам, но даже сигареты он уже покупал без проблем – уж больно взросло выглядел.

– Маргот, ты в курсе? Танькина мать в открытую алиби рисует.

В висках ударил набат, и меня вывернуло наизнанку, благо рядом стояла мусорная корзина. Руки тряслись и ходили ходуном, воздуха не хватало.

Таньку ударил ножом отчим. Раньше он просто давал ей пощечины, впадая в пьяный раж, а теперь убил.

На плечи накинули куртку, а рот протерли мокрым платком.

– Ринат, прекрати! Совсем с ума сошел?

Он отодвинулся и вдруг сжал кулаки, схватился за лоб, закашлялся, спрятал лицо в руки.

– Я просто не знаю, что с этим всем делать, Маргот.

– Прекрати меня так звать, придурок! Танька... Танька умерла, а ты все выделяешься. – У меня очень быстро кончался воздух в легких, они будто прохудились, и я начинала задыхаться.

– Хорошо, Марго. Хорошо. Ты меня слышала? Про алиби? Что нам с этим делать? Ублюдка ведь выпустят.

Я дернула руками, поглядывая на актовый зал. Не дай бог оттуда вывалится Светлана Сергеевна и задаст нам жару. Учитывая, что Ринат и в самом деле прогуливал, подобный вариант нельзя было сбрасывать со счетов.

– Не выпустят. Это уголовное правонарушение, почаше бы на общагу ходил.

– Если бы я почаше ходил на общагу, я бы там взорвался от тупости происходящего! – наконец вспылил Ринат.

Он был известным спорщиком, и нрав частенько его подводил. Еще Ринат поступал на юриста, а его родители думали, что он очень глупый, поэтому таскали на занятия к репетиторам с десятого класса.

– И что ты хочешь сказать? У нас есть т-те... Танька. Тут не Америка, слава богу. Нельзя убить человека и остаться безнаказанным.

Ринат снова прожег меня взглядом:

– Ты вчера на свет родилась? Мужик этот при деньгах, сама знаешь, хотя Таньке ничего не доставалось. Мать ее – нехорошо так говорить, ей-ей, Маргот, сама понимаешь, – совсем без мозгов. Там уже срочный отъезд по делам фирмы

сочиняют на коленке.

Я схватилась за голову и беззвучно взвыла. Ринат подождал немного, а потом обнял меня.

– Я не понимаю, что нам делать, Маргот, мы же не можем это так оставить.

– Не можем, но я не знаю, что тебе сказать, – выдавила из себя я, чувствуя, что прямо сейчас заплачу. – Мне еще домой как-то идти, а меня тошнит. Он ее ножом бил...

Мне снова стало плохо. Мне хотелось в класс, рисовать ее по памяти с розой в волосах, с красной розой в волосах цвета «фуксия», и не думать ни о чем больше.

– Я знаю, я все знаю. Маргот, пойдем, я тебя до дома провожу. Ты поспи, а мы с тобой завтра поговорим, – сказал Ринат и потянул меня вверх.

Мы встали, и я уперлась носом ему в грудь. Неловко сошли по ступенькам, ждали у класса, когда прозвенит звонок.

У дверей квартиры Ринат поцеловал меня в макушку. Раньше я бы душу продала за такое, но теперь мне было абсолютно, невероятно все равно.

Я шла по улице. Стоял погожий весенний день, меня окружали симпатичные люди. Светило солнце, отражаясь бликами сразу во всех синих стеклах странной высоты. Я не спеша текла через толпу, на мне было черное пальто, точь-в-точь на модели какой-нибудь, красный шелковый шарф, а еще рубашка и джинсы. И тело будто знакомое, а будто чу-

жое и непривычное. Оно мне нравилось – прекрасное, завораживающее, взрослое.

Я шла не одна, со мной был Ринат, я держала его под руку, и мы шагали, счастливые и красивые. Со странно тянущим сердцем я поняла, что не могу вспомнить лицо Таньки, потому что вокруг так много света и любви, что даже сказать нечего. Мы плыли по улице, и казалось, что Ринат, чуть незнакомый и другой, стал еще выше.

Я стала тонуть в золотистом свечении – солнце теперь заливало все вокруг и било в глаза. Случайно наткнулась на кого-то плечом, стала оборачиваться как в замедленной съемке, увидела улыбку и зеленые глаза, растрепанные волосы, белые зубы. Я почти оторвалась от Рината, потому что тот, другой, тянул меня... не физически, просил следовать за собой.

Я замешкалась. Ринат, будто не поняв, несильно дернул мою ладонь, и мы пошли дальше, вперед. Смешной парень отвернулся и, убрав руки в карманы пальто, двинулся по своему маршруту. Он шел к огромной зеленой дыре, его там кто-то ждал. Я вгляделась и чуть не закричала, но парень и Танька (взрослая, живая Танька с неизменными розовыми волосами!) уже скрылись внутри воронки.

Я дернулась бежать к ним, вскочила на кровати и проснулась. Вместе со мной подпрыгнул спавший на кресле отец.

– Тише, тише, – сказал он, во мгновение ока очутившись рядом и глядя меня по мокрому лицу. – Ринат твой звонил,

сказал, что совсем разболелась, и неудивительно. Ритка, ну, мы же просили, чтобы не ходила в школу.

Я заплакала, пряча лицо у него на плече, и сидели мы так долго-долго. Потом папа начал рассказывать про то, какие мы с Танькой были смешные. И как сбежали на рок-концерт, а он точно знал, что его дочь со всем справится, что она не исчезла, хотя переволновались все просто ужасно. Я в кои-то веки знала кривую мораль этой истории, она, конечно, заключалась в том, что все и на этот раз получится.

Мои любимые люди словно сговорились. Они хотели, чтобы я забыла Танькино лицо. Пожалуй, один Ринат оказался вдруг, совершенно внезапно, ничего, но и он ведь тянул меня вперед...

Я обняла папу покрепче и сказала:

– Т-ш-ш.

Закрыла глаза и сконцентрировалась. Видение не хотело идти в руки, но маячило рядом, просто до него надо было добежать, как до зеленой дыры в пространстве. Я сделала шаг из темноты на залитую солнцем улицу. Все замерло. Это был не сон, просто моя якобы художественная память наконец сослужила службу. Запомнив картинку, я могла крутить ее потом, как хотела, в уме, рассматривая с разных ракурсов.

В голубых стеклах отражалось солнце. Рядом был фонтан, обычный, городской, но такой яркий и радужный. Ринат шел впереди, немного хмурый, я, с расширенными глазами, глядела назад и протягивала правую руку.

В начале тротуара в воздухе висел самый настоящий портал, на границе которого Танька ждала того странного зеленоглазого парня. Она стояла, чуть наклонив голову набок и не смотрела ни на меня, ни на Рината – тянула пальцы к нему, а он, еще улыбавшийся мне, явно собирался забрать ее с собой.

Я открыла глаза. Отец шептал что-то успокоительное и гладил меня по спине.

Я знала, что делать. Отыскать того парня! Он меня точно вспомнит, потому что он не просто так. Он без моралей, он без историй, он – настоящий!

2. Старик

Найти парня было не так просто, как мне бы хотелось. Следом потянулась мучительная, длинная неделя, наполненная псевдоважными делами. В полицию мы с Ринатом ходили почти каждый день, и это было страшно. Мы в один голос рассказывали про то, что Иван не мог уехать из города, что мы видели его дважды в тот день, сначала я, затем Ринат. Родители ловили нас после каждой беседы, длившейся порой по часу. Когда перестали, мы начали ловить друг друга сами. У Рината забрали телефон с фотографиями Танькиных синяков, и мы поняли, что надо быть осторожнее. Благо, такие же снимки были и у меня.

Учителя вдруг решили, что пора втягиваться в учебу, а про Таньку можно забыть, и начали спрашивать с меня по всем предметам, а я ничего не знала, ни слова; учебники со свистом вылетали из головы. Каждая строчка давалась с трудом, а я думала, как доказать, что Таньку убили.

Однажды, после школы, мы сидели с Ринатом на площадке возле моего дома и молчали, потому что сказать было нечего. Мы толкались ногами от земли и ехали по кругу на грубом подобии карусели. Накрапывал мелкий дождик, дети убежали домой играть в приставки. Для октября было очень и очень холодно. Наши сумки валялись на земле, моя на Ринатовой – в последнее время он стал совершенным джентль-

меном, я даже узнать его не могла. Всю дорогу пронесив звание первой партии нашей старенькой школы, он вдруг оказался обычным хорошим парнем, чем ужасно меня удивил. Вообще, у него была девушка, Ирка из одиннадцатого «Б». И какого черта именно Ринат ходил со мной везде, а другая Танькина подружка и ее первая любовь, Стрельцов, только взгляд отводили, я решительно не понимала.

Он хмурился, я чувствовала себя вымотанной. Уставшей, никакой, серостью, а не русо-рыжей Маргошкой. Да и то сказать, за последние дни успела привыкнуть к беспощадному коверканному «Марготу».

– Ты учиться будешь? – спросил Ринат вдруг как-то злобно.

Я замялась, задумалась и провела рукой по волосам, невымытые, надо бы в душ. Не ужасные, но пора, совсем распустилась. Танька надавала бы по шее, подумать только, пошла чуть не на свидание с самим Ханом, а выгляжу черт знает как. Мечты-мечты.

– Я не вижу, – сказала я. – Читаю в учебнике и не вижу. Алгебра мимо пролетает. Не понимаю. Все время про нее думаю.

– Что отчима в городе не было?

Я вскинула глаза на Рината. Его полудлинные волосы прилипли к лицу, а взгляд был серьезный.

– Ты упал и ударился, что ли? – тихо уточнила я.

– Я – нет. Мне отец говорит, что таскать нас будут, пока

не замучают совсем и пока мы сами не скажем, что не знаем, кого тогда видели.

Я вздрогнула и снова оттолкнулась ногой от земли. Попала в лужу, чертыхнулась. Отец у Рината был адвокатом, но не таким, как мечталось самому Ринату и как показывали в «Форс-мажорах». Он занимался почти что благотворительностью, хотя образование позволяло работать на крупные фирмы. Ему определенно стоило верить.

– Слушай, там все на мази уже, – продолжил Ринат. – Одни мы придерживаемся другой точки зрения. Им хочется, чтобы все было красиво, неужели сама не понимаешь? Но если надо, нас уломают любыми способами.

– И что ты предлагаешь? – вздернулась я, поправляя основательно промокший бомбер. – Что, Ринат?

– А ты – что?

Я подумала и сказала самую очевидную вещь на свете:

– Я сдохну, но ничего не подпишу.

Ринат закатил глаза и толкнулся ногой раз, два, три. Мы закрутились быстро-быстро, и я дернулась к поручню, так резко, что случайно схватилась за руку Рината.

– Проверял меня, да, придурок? – выплонула я, но пальцы не разжала.

– Мне нечего тебя проверять. Просто для отличницы ты слишком глупая, – отозвался Ринат и вдруг улыбнулся.

Я начала рассеянно считать, сколько времени не видела его улыбки: день, два, три...

– Натаскать тебя по остальным предметам? Я не дурак, ты же знаешь, просто вид делаю.

– Не отказалась бы. А Ирка?

– Что Ирка, – буркнул Ринат. – Устроила сцену, что я с тобой все время. Расстались мы.

– Мы же по делу, – огорчилась я.

– Скатертью дорожка.

Ринат вдруг подавился воздухом и проехался ногами по земле, останавливая карусель. Я испугалась и выпустила его руку.

– С-старик, – сказал Ринат, куда-то показывая.

Я проследила за направлением его пальца. Лавочка, забор, за забором – деревья. Пустой угол двора, если не считать дикое количество мусора.

– Какой старик? Там нет никого.

Я перевела взгляд на Рината. Он заметно посерел, и я испугалась:

– Ринат, черт, что с тобой?

Он помотал головой, сделал глубокий вдох и бросил:

– Глупости.

– Ну какие это глупости? – Я почувствовала, что в груди закипает обида. – Мы вроде одни остались. Во всем мире. Какие глупости? Расскажи!

Ринат зажмурился и замотал головой, а потом взял меня за руку:

– Сон снится. Тебя ищет какой-то старик, а я пытаюсь ему

помешать. Страшный он. Часто мне рассказывает, что поговорить с тобой не может, а ему надо.

Я кивнула и в этот момент вспомнила про парня. Совпадение было, по меньшей мере, странным.

– Ничего. Знаешь тот анекдот? В следующий раз продикуй деду мой адрес, – попросила я, стараясь унять разволновавшееся сердце.

– С ума сошла. Я тебя не сдам.

– Ринат, это сон же, – отозвалась я и неожиданно для себя самой поинтересовалась: – А глаза у него какого цвета?

Ринат мотнул головой, задумался:

– Голубые, а что? Такие, с серым оттенком.

Я подавила разочарованный вздох:

– Ну и скажи ему, где я живу.

Ринат только головой покачал, и мы пошли пить чай с мамиными пирожками.

На следующее утро школы не было, а родители уехали к друзьям (я же вроде как взрослая и могу быть одна). Я сунулась на кухню и поняла, что нужно вынести мусор. Не снимая тапочки, вышла на площадку, спустилась на пролет, полызгала ящиком. Обернулась, чтобы идти в квартиру, и тут увидела старика. Он просто стоял у обтянутой красным дерматином двери шестьдесят восьмой квартиры. Обычный дед, но смотрел на меня так, что пробирало. Я замерла, растерянная и напуганная. Откуда он появился? Не из портала

же. Шагов я не слышала, и дверь эту жуткую никто не открывал.

– Прекрасные у вас одежды, сударыня, – сказал старик, и мне почудилось что-то знакомое и правильное в его интонациях.

Но это был не зеленоглазый парень, а непонятный человек с туманно-серыми глазами. Он не знал, как спасти Таньку, а значит, я в нем не нуждалась.

– Простите, – произнесла я, нарушая главное правило, не разговаривать с незнакомцами. – Это ведь вы снились Ринату?

Старик рассмеялся в бороду, и я наконец-то его разглядела. Наверное, когда-то он был писанным красавцем, об этом говорили удивительные глаза. Он опирался на трость – совершенно обычную, и одет был, хоть и странно, но не из ряда вон. Сначала я приняла его наряд за хламиду волшебника, но, приглядевшись, поняла, что это просто старое пальто.

– Мне пришлось присниться этому молодому человеку, сударыня, потому что ваш сон был занят одним зеленоглазым типом.

Я вздрогнула и неуверенно поднялась на ступеньку.

– Вы знаете его? Мне очень, очень нужно с ним поговорить.

Старик ответил не сразу, а когда ответил – я даже вздрогнула.

– Почему всем нужен этот пострел? – Он тяжело оперся

на трость. – Маргарита, скажите, что у вас за желание? Подумайте хорошенько. Знаете, иногда не стоит доверять всяким зеленоглазым.

– Танька! – У меня помутилось в головке. – Чтобы она живая была! Чтобы все стало хорошо, чтобы я успела! Чтобы спасла ее!

Старик помолчал и встал на ступеньку ниже. Видно было, что каждое движение дается ему с трудом. Мне – почему-то – стало его жалко.

– Это хорошее желание, но вы понимаете, Маргарита, его трудно исполнить. Невозможно даже.

– Но... постойте. Постойте, – сказала я, хватаясь за перила. – Вы же обещали.

– Маргарита, вы запутались, обещал вам он, – сказал старик. – Он показал вам картинку, и вы захотели, чтобы она сбылась. Маргарита, Маргот, он так и работает, бусы не просил еще?

Я сделала два шага вверх. Посмотрела на старика повнимательнее:

– А вы можете, как он?

Тот даже закричал как-то смешно. Я приснула, думала, такое только в книжках пишут.

– Мог когда-то, – сказал он и пошел по ступенькам вниз.

Я испуганно прижалась к стене.

– Маргарита, если мы с вами, во имя Великого Хаоса, заключаем сделку, вы должны понимать последствия.

Я закивала головой, не осознавая ни слова.

– Да, я вижу... – Старик усмехнулся, вставая рядом. – Что ты такая же, Маргот. Тебе портал подавай?

Он протянул руку, унизанную перстнями, молодую руку, и я испуганно выдвинула вперед ладонь.

В голове билось одно: вот возвращается мама, забывшая кулебяку, а я тут стою, разговариваю со стариком, это же всех спустят с лестницы, включая Рината – за то, что не уследил.

Внизу, будто повинувшись моим мыслям, хлопнула дверь подъезда. Раздались голоса, и по лестнице затопали. На маму было непохоже.

– Это за тобой, – спокойно сказал старик, даже не заглянув в щель между пролетами. – Полиция.

Я снова вздрогнула и судорожно сглотнула:

– Что им надо?!

– Все то же, твоих письменных показаний. В этот раз они хотят их очень настойчиво. На твоём месте я бы не медлил.

Я вложила руку ему в ладонь, и мир будто бы покачнулся.

– Ринат справится?

Старик рассмеялся:

– Отличный вопрос. Но да, конечно, моя сударыня. Решайся.

Я кивнула, сжимая ладонь на теплом металле и сухих пальцах.

– Запомни, Маргот. Пройти Изнанкой Мира будет непросто, но у тебя получится. Никому не говори, как ты попала

на Изнанку, никому, слышишь? И не отдавай бусы.

– Да я не знаю, что за бу... – пискнула было я, но за спиной у старика появился портал – огромный, почему-то синий круг.

– Вперед. Меня не забывай, но молчи.

Шаги загрохотали уже совсем близко, я вдохнула и сделала шаг, потом еще один, а потом мир закружился воронкой голубого электричества, унося меня подальше от старика, который все так же протягивал руку и почему-то грустно улыбался.

Я летела по туннелю, вертась во все стороны и едва успевала дышать. Но беспокоило меня другое. Я точно знала, что больше никогда не увижу старика.

3. Изнанка

Выбросило меня прямо на землю. Это было странно и резко, хотя куда как чудесней оказался портал, бесконечный коридор, который затягивал, будто хватал, и нес меня по легким ветрам целую вечность. Он играл всеми оттенками синего, клубился электричеством, дымом, сбивал дыхание и не давал воздуха. В груди щемило от его невероятности, от огромной, нездешней красоты происходящего. Тем неожиданной меня встретила земля.

Я разодрала руки и, кажется, порвала штаны. Меня почти сразу затошнило, но муть прошла, и туман в глазах рассеялся. Я, шатаясь, встала на ноги, принялась разглядывать разбитые в кровь ладони. Они были грязные, и мама с папой сказали бы, что столбняк будет, и убежали за антисептиком.

– Слава Великому Хаосу! – проскрипели у меня над ухом.

Я подпрыгнула, наверное, на полметра вверх и в сторону, и узрела разом всю картинку. Это было очень странно: только что не видела ничего, кроме кругов перед глазами и окровавленных ладоней, а теперь сразу охватила целый мир. Передо мной находилась высокая стена, выложенная из камней, надежная и старая. Из-за нее выглядывали башенки, разноцветные, хорошенькие, яркие, но немного кривые, будто покосившиеся или опершиеся друг на друга. Крутились в разные стороны флюгера, развевались флаги, сотканые из

цветных и черных лоскутков.

Слева было почти пусто: дорога, ведущая в этот самый город, пожухлая трава, да унылый туманный лес вдалеке. Небо показалось мне серым, но тоже – клоками. Мимо шла самого почтенного вида старуха из старых сказочных фильмов, которые мне еще показывали родители. На ней был смешной балахон (под стать каким-нибудь рэперам), а еще чепец. Про хаос сказала она, да так буднично, словно хотела меня поприветствовать.

Я уставилась ей в спину, провела пальцами по ладони и чуть не вскрикнула. Поглядела вниз. Руки были абсолютно целые, на них даже следов крови не осталось. Я растерянно сжала кулак, и мне не стало больно. Я вдохнула, выдохнула и немедленно посмотрела на штаны – никаких дырок. Зато они были очень розовые, очень в клеточку, а уж как подходили для дальних путешествий пушистые тапочки! Угораздило же выйти в халате. Потом я сообразила, что минутой позже примчались бы полицейские и что времени у меня просто не было. Вспомнила Рината, его волосы, улыбку и глаза, вдохнула поглубже и пошла вперед. Не останавливаться же теперь.

Старухе как раз открывали небольшие ворота. Это было странно, потому что рва я не видела, а такие мостики во всяких фильмах перекидывали через него. Я заспешила вперед, вдруг удастся проскользнуть вместе с ней?

Вход был пугающим и черным, будто внутри города разом

выключили весь свет вместе с солнцем, которого и так, по правде, было довольно мало. Старуха перешла через никому не нужную планку, соединявшую один кусок земли с другим возле арки. Я вскочила следом за ней, и тут из проема появились два смешных стражника и скрестили между собой батон хлеба и почему-то ветку дерева.

Я замерла на месте, рассматривая обоих.

– Кто идет, слава Великому Хаосу?

– Слава, слава, – заворчала старуха. – Капээсэс тоже слава была. Или был. Неважно, ребята, вы меня лучше пропустите, а то нехорошо сомневаться.

– Мы не в вас, – хором ответили они. – А в сударыне в прекрасном наряде.

Я вздрогнула и стала думать, куда же спрятаться. Я понятия не имела, что они смотрят на меня. И что за издевка про прекрасный наряд? У одного вообще таз на голове, а у второго кастрюля, причем самая настоящая, закопченная.

Старуха даже не оглянулась:

– Ну и сударыне слава, что там. Пропустите, она без меня.

– Если без вас, то другое дело, – сказал один.

– Проходите, сударыня, – сбился с хоровой речи второй.

Я опешила. Мне нужно было внутрь, почти наверняка, не в лес же, но происходящее пугало больше и больше. Как это назвал тот странный господин с туманными глазами, почти такими же, как местный лес и усталое небо? Изнанка? Но изнанка чего?

Ворота начали подниматься вместе со мной, я взвизгнула и устремилась вперед быстрее ветра. Один из стражников вручил мне батон хлеба, второй отсалютовал и произнес смешным тоном:

– В городе слуги Великого Хаоса, по делу Питера-чудильщика, передавайте им привет и нашу радость.

– А то с поста не уйти, – сказал тот, что держал палку.

– Ушли двадцать минут назад! – поправил другой. – Пойдем теперь поварить в «Кривого барана»!

– Пойдем. – Через вторую арку в довольно широкой стене они пробежали вперед меня.

Я поняла, что голова идет кругом, и сделала несколько шагов в темноту, держа батон как бейсбольную битку. Если честно, я бы предпочла настоящую, ей даже в моем возрасте и при моем росте можно хорошо отбиваться, особенно от сумасшедших.

Проход никак не думал кончаться, и я снова испытала ужас от чужеродности и ненормальности всего этого... мира. А следующим движением вдруг вынырнула из проема, будто из портала вывалилась. И на мгновение ослепла. В городе было солнце! Самое настоящее, яркое, не сокрытое туманом, золотое, искрящееся, потоки света! Я обернулась назад, чтобы посмотреть, как такое возможно, но тут же наткнулась взглядом на старуху.

– А ты к нам погулять вышла? – вежливо спросила она, и я снова подпрыгнула. Приземлившись, я поняла, что подо

мною мостовая.

Камни были крупные, а тапочки мягкие, я сильно стукнулась пятками.

– Капээсэс там кончился, в России, да?

Я судорожно стала вспоминать, что она имеет в виду. Коммунистическая партия Советского Союза? И еще про Россию знает? Да кто она такая, тоже с порталами, что ли? Или... вот это странное слово? Как его? И почему я ее понимаю? А главное – стражников?

– К-кончился, – сказала я, переступая с ноги на ногу.

Старуха покивала, пожевала губами, нахмурилась.

– Эти недоумки тебе хлеба выдали, что ли?

– Хлеба, – снова эхом отозвалась я.

Живот предательски заурчал. Старуха рассмеялась, не добро, а устало.

– Ты не ешь. Отнеси чудильщику, раз на него облава, а сама не трогай. Он тебе сообразит что-нибудь.

Я только и могла, что хлопать глазами. Даже позавтракать не успела, и свежего хлеба хотелось страшно, невыносимо, мы иногда заходили в магазинчики-пекарни, еще с Танькой, и покупали на карманные деньги французский багет. Уплетали до дома, за обе щеки. Имя подруги обожгло, даже ударило как будто.

– Он волшебник? – спросила я.

Старуха покачала головой:

– Дойдешь – сама узнаешь. Да поспеши уже, нельзя за-

ставлять Великий Хаос ждать, понимаешь? Грех большой.

– А как до него дойти? Не до х-ха... – небо на мгновение потемнело, и я запнулась. – До чудильщика.

Слово смешно легло на язык, будто я всегда его говорила. Мимо нас процокала задом наперед лошадь, и я вздрогнула. А старуха замахала животному, как старому знакомому, подбежала, схватила за седло и начала взбираться.

– Извозчица приехала! Умница моя! – Она ласково погладила лошадь по голове, и та довольно заржала, после чего поехала точно так же, как до, медленно переставляя ноги.

– Где его найти? – прокричала я вслед.

– А, – махнула рукой старуха. – Никогда не знаешь, но у него на доме висит резной колокольчик, покойник Джек делал, хорошо получилось! Ты Хаосу помолись, авось доберешься!

Последние слова старуха прокричала уже издалека, потому что лошадь набрала ход и теперь почти мчалась, подскакивая, точно Пинки Пай. Еще через секунду они скрылись за поворотом, а я посмотрела на батон хлеба, вздохнула и поплелась вперед.

Дорога была пустынная и, к счастью, одна. Я решила спрашивать на каждом повороте, как пройти к этому чудному. Пока что Изнанка напоминала сказочную страну. По сторонам идущей вверх улицы толпились домики, в основном, двухэтажные. Я даже в окна пыталась заглядывать, пока не столкнулась с перевернутым отражением; испугалась и уско-

рила шаг.

Жутко хотелось откусить хлеба, и я все думала, что же такого случится, если я это сделаю. Ну не убудет же из-за горбушки. Но что-то меня останавливало.

Спустя пару минут монотонной ходьбы я услышала шум и голоса, а следующий поворот наконец привел меня к людям. На широкой площади торговали фруктами очень странной формы, они напоминали лягушек с лапками; у кого-то продавались лопнувшие шарики (кстати, из чего они были сделаны? не из резины же!), и лишь одна женщина стояла перед лотком, в котором валялись леденцы в форме вполне обычных петушков.

По площади прогуливались люди в экзотических нарядах, были и нормальные, конечно, но в целом – страх один. Я в своем халате и клетчатых розовых штанах смотрелась вполне уместно, если не нарядно. Бегали дети, они выглядели поприятнее. Улиц с площади выходило три, и все вели в горку. Я подумала и подошла к женщине с петушками.

– Отличный возраст, чтобы насладиться сладостью, – заученно сказала она мне, явно не обращая внимания на хнычущего пацана, подпрыгивавшего на месте и сжимавшего в руках монетку размером с кулак.

Я замешкалась и показала на него.

– О, плата в деньгах, слава Великому Хаосу, мне не нужна, – произнесла женщина, и я неприятно поразилась.

– Разумеется, – отозвалась я. – Мне бы узнать, как пройти

к Питеру.

– Питеру? – спросила она, и я раздраженно кивнула.

Думала, нормальная, а вон что получилось.

– Леденец не нужен?

– Да зачем мне леденец. Вообще без надобности.

Женщина достала из корзины петушка и словно бы невзначай разжала пальцы. Хныкавший мальчишка быстро подобрал его и был таков. Я, кажется, начала понимать, в чем дело, просто все здесь давно сошли с ума. Возможно, в обед.

– Иди по центральной, – вдруг сказала женщина холодно и отрывисто. – Доберешься до трактира – «Кривой глаз» называется – спроси там, где Великий Хаос отдыхает сегодня. Тебе скажут. Молчи, не называй его по имени, и так уже наговорила достаточно.

Я пораженно отвернулась и двинулась с места. К женщине с криком «Мардж!» устремилась пара моих ровесников с охапкой дохлых цветов. Меня передернуло, и я пошла дальше, набирая скорость.

Вопросов было много, но я чувствовала, что главный из них – почему именно Питер? Впрочем, на данный момент мне больше всего хотелось сесть и спокойно перекусить, безо всяких там происшествий.

Я еле увернулась от толстяка в раздутых клетчатых штанах и прижалась к стене, переводя дыхание. Толстяк прицельно врезался во всех прохожих. Мардж выдавала кому-то гору петушков в обмен на крыс и провожала меня внима-

тельным взглядом. Я вздохнула и, переступив через страхи и сомнения, двинулась вверх по улице.

4. Бусы

Трактир «Кривой глаз», как назло, мне не попадался. И с вывесками было туго: я подходила и читала старомодные надписи – будто на русском, хотя видела, что буквы выглядят совсем по-другому. Прошла мимо парикмахерской, обувных дел мастера, двух забегаловок.

Люди по-прежнему вели себя ненормально, но я потихоньку привыкала. Старик, странный дед, сказал мне, что это Изнанка, и, может быть, здесь просто все наоборот, как в том стихотворении? Погода была прекрасная, принцесса была ужасная. Днем, во втором часу... Наверное, дома стукнуло около того.

Старательно делая вид, что у меня все в порядке, я выучила приветствие с великим хаосом в главной роли. Ноги сами несли меня вперед.

Пролетев мимо маленького кофейного заведения, я все-таки притормозила и задумалась над тем, не зайти ли мне поесть. Вдруг на халат выменяю порцию еды. Я развернулась и радостно пошла назад, еще не замечая подвоха. Попробовать стоило!

Но вышло все по-другому. Вот я бросаю взгляд назад, еще не потеряв боковым зрением домика с витражными стеклами. Я разворачиваюсь, моргаю. Я почти роняю батон. Передо мной была совершенно другая улица. Вместо кофейно-

го заведения – непримечательный домишко, на котором два ребенка старательно вычерчивали черно-белую шахматную доску углем и мелом. Вместо лавки цветочницы – странная башня, переливающаяся радугой. И сама дорога изгибалась направо, а не налево. Впрочем, люди, не считая детей, почему-то были те же самые.

Я в ужасе повернула голову, готовая к тому, что пропаду совершенно, потеряюсь, оказавшись во власти непознанного; готовая увидеть серый мир вместо радостной дороги. Но путь передо мной не изменился, и тогда я вернулась на него как можно скорее, продолжая больно стучаться ступнями о мостовую и приняв твердое решение никогда не оглядываться.

Трактира все не было. Зато улица вдруг разветвилась и зазмеилась. Я встала на перекрестье семи лучей, выходящих из одной точки, вспомнила старую примету и загадала, чтобы Танька оказалась жива.

– Ну что вы замерли, сударыня! – недовольно сказал кто-то и довольно больно заехал мне локтем.

Я негодуяще посмотрела вправо (не оглядываться, только не оглядываться). Там стоял худой веснушчатый парень.

– Не знаю, куда идти, – отозвалась я, потирая бок.

– Это же верное направление, правильно мыслите, – вдруг выдал он.

– Слава Великому Хаосу, – сказала я. – Не подскажите, где «Кривой глаз»?

– О, – проговорил парень уважительно. – Подскажу. Идите по той улице, первый поворот направо, совсем близко!

Я закивала и галопом помчалась в указанном направлении, едва не сбив стоявшего на голове мужчину. Поворота достигла мгновенно. Сделала шаг – и оказалась в мрачном переулке. Тут было темно, будто ночью, как если бы солнце не могло даже дотянуться и погладить лучами черно-серые дома. Я мгновенно замерзла, еще бы, такой холод, волглый и цепкий, хуже, чем в Москве.

А за спиной стояло лето.

Я огляделась, встретилась взглядом с одноглазым нищим с горой золотых монет в шапке, набралась смелости и пошла искать. Трактир обнаружился сразу, как и обещал парень, но названия на этот раз я прочитать не смогла.

Толкнула дверь, зашла внутрь. Публика тут была своеобразная. Торчали клыки, точно у булгаковского Азazelло, и лица казались убийственными. Мне даже живот подвело от страха. Я помянула нехорошими словами свою глупость и Мардж, пославшую меня неизвестно куда.

– Скажите, – начала я, и гомон голосов смолк как по команде.

Я попятилась и свободной ладонью нащупала ручку.

– Мне нужен Питер, чудильщик. Где его найти, ради Великого Хаоса?

Сразу пять рож оскалились, а потом начали хохотать и свистеть. Все здесь было темно-серое, одежда больше напо-

минала лохмотья, люди – монстров. Готовая стартовать, я стиснула ручку так, что заболели пальцы.

Вперед вышла девушка в рваном платье, похожая на готическую принцессу.

– А кто спрашивает? Кто спрашивает у нас, где найти чудильщика?

– Мардж велела узнать тут, – сказала я и прокляла тот момент, когда протянула ладонь старику. По спине начал течь холодный пот, а в сердце заглянул ужас.

Мои слова сопроводил хохот.

– Еще и Мардж, – отозвалась девушка. – Ну, все мы тут немного чудильщики. Что надо?

– Н-ничего. – Я толкнулась спиной в дверь.

Не поддалась. Я вдруг почувствовала, что металл ручки оборачивается вокруг моего запястья. Дернулась, отскочила, и тут меня схватили за плечи. Я завизжала, рванулась, попробовала бежать. Вокруг были глаза, руки, странные лица, хоровод, сплетенье клыков. Я зажмурилась и наугад, взмолившись Великому Хаосу, долбанула батоном. Адский хор взвыл, и я почувствовала, что руку оттягивает не хлеб, а что-то тяжелое. Перехватила поудобнее, ударила еще два раза – и все-таки выскочила, правда, через окно, в котором не оказалось стекла. Метнулась направо, но вместо основной улицы попала в тупик. Побежала налево – от текущей следом серой лавины.

Успела прочитать надпись – «Кривой клык», а потом уже

летела, не разбирая дороги, запыхавшись, и сзади выло и улюлюкало. Я никак не могла выбежать в основную часть города, все углублялась во тьму, пока наконец не врезалась и чуть не упала.

– Сударыня, минуточку!

Я дернулась бежать, но схватили крепко. Их было двое, один длинный и тощий, второй толстый и низкий.

– Негоже так влетать в слуг Великого Хаоса. Разве только...

Я испуганно пискнула, но не стала оглядываться, хотя боковым зрением видела, что сзади рвется, насаждает серая масса, и лишь какая-то неведомая сила не дает ей схватить меня и разорвать на клочки.

– Разве только эти ребята совсем обнаглели. Ну-ка кыш, – сказал толстый. – Сударыня, пойдете.

Они развернулись и совершенно спокойно повели меня вперед. Преследователи растворились.

– Сударыня, что вы делаете в этой не принадлежащей Великому Хаосу части города? – спросил тонкий.

– Хорошо, что вы нарвались на нас, – значимо проговорил толстый.

– Кто это был?

– О, неужто вас не пугали в детстве? – Тонкий рассмеялся. – Вы, наверное, очень плохой ребенок.

Я не уловила логики, но, видимо, от слуг Великого Хаоса ждать ее не стоило.

– Это те, кто так долго был против доктрины, сударыня, – толстый аккуратно взял меня под руку, и тут я поняла, что до сих пор сжимаю несчастный батон, – что сделался рабом порядка.

Тонкий удивленно зашикал.

– Рабы порядка выглядят именно так. Они не стареют, и им нужен специальный рацион.

«Вампиры!» – пронеслось у меня в голове.

– Ваше счастье. Шли от чудильщика, дай, думаю, заглянем. И не даром!

У меня запрыгало сердце. Теперь узнать, как бы...

– О, сейчас будет солнечно, готовься, – вдруг сказал толстый.

Я посмотрела по сторонам: все та же мрачная улица с головами в окнах (может быть, и отрубленными), все тот же страх, все та же атмосфера.

Мы сделали пару шагов, и мир озарился. Дышать стало легче. Вышли мы где-то в незнакомом месте, но все же на относительно нормальную, не вампирскую улицу.

– Засим вынуждены откланяться, – щелкнул каблуками тонкий.

– Разумеется, не ходите туда больше, – кивнул толстый.

Я вдруг заметила, что у них обоих разбиты костяшки и сапоги измазаны в чем-то таком, что меня затошнило.

Они исчезли практически тотчас, а я огляделась. К счастью, слуги Великого Хаоса вывели меня на перекресток,

улица убежала вправо и влево, и направления движения я вроде бы не нарушала. Как там это... анизотропности, да. Указателей не было, а людям я твердо решила не верить. Скользнула глазами по мостовой и вдруг увидела что-то. Подумала, что уже начались галлюцинации, опустила, пошарила пальцами. Взяла теплое дерево в пальцы.

Уродливые четки. Или... Я вгляделась внимательнее. Они были сделаны из сероватого дерева и нанизаны на грубую зеленую нитку. Старик говорил про бусы. Я, как ворюга, зыркнула по сторонам, и засунула их в карман халата трясущимися пальцами.

Наверное, бусы выпали у слуг Великого Хаоса, больше я ничего предположить не могла. Тут же зашумели люди, и краска вернулась в мир. Я пошла направо, твердо зная, что на этот раз доберусь до чудильщика, чего бы мне это ни стоило. Батон я прижимала к сердцу, если бы не он, да не Великий Хаос, не осталось бы от меня ничего, что могло бы передвигаться.

Через два поворота я увидела таверну «Кривой глаз». Вывеску читала трижды. Публика там была на удивление нормальная, даже пообычней того, что творилось на улице. Я решила не повторять ошибок и пошла к столику. Усевшись, стала украдкой осматриваться. Ждать пришлось недолго. Ко мне подошел хозяин. Хотя в этом перевернутом мире внешность обманывала, и он мог оказаться нищим.

– Сегодня особенно хорошо вино прошлого года, – сказал

мужчина. – И мозговая косточка навариста.

Я закашлялась и слезно поглядела на свой волшебный батон:

– Платить нечем.

– А мы давайте бесплатно, что ж мы, не люди! – Он защелкал пальцами.

Мне пришлось поднять руку и спросить:

– Вы знаете, где живет чудильщик Питер?

– Лудильщик? – переспросил мужчина. – Давно тут никто этим не...

– Чудильщик, – перебила я.

Хозяин посмотрел на меня странно, и я окончательно ступсевалась, засмуцалась, перестала знать, куда деваться. Я ведь даже не представляла, зачем мне чудильщик, но он вроде был в состоянии помочь – оставалось только надеяться.

– Хлеб несете, смотрю. Ему?

Я отчаянно закивала.

– Ну хорошо. – Мужчина наклонился ко мне. – Давайте так. Выйдете из таверны – сразу направо. И не сворачивая, по средней линии мостовой. Камни так лежат. Не должны пройти мимо.

Я вскочила на ноги и открыла было рот. Он смотрел серьезно – и я пробормотала благодарности под нос, вылетела из таверны стрелой и уставилась себе под ноги. Хозяин сказал чистую правду, четко посередине дороги камни выстраивались в ровную линию. Не широкую, но и не узкую. Я по-

шла вперед, то и дело поглядывая вниз, чтобы не сбиться, но стараясь не налетать на чудных жителей города. Потом я побежала. Улица перешла в следующую, и дорога вдруг двинулась под уклон. Кажется, я прошла насквозь целый город, и данный факт не укладывался в голове.

Среди домов появилась зелень. Стояли они вкривь и вкось, но выглядели скучно. Я снова прибавила шаг и наконец увидела свою цель. Дорога делала петлю и упиралась в какое-то строение, мне было не разглядеть даже со всем моим стопроцентным зрением.

Я почти скатилась по улице, следуя центральной линии, хотя велик был соблазн срезать напрямки. Теперь виден был красивый черненький колокольчик, звони – не хочу, но я все же решила донестись по ровно уложенным кирпичам. Открыла калитку – и ноги мои утонули в траве.

Я позвонила в дверь. Внутри зашумели.

5. Питер

По каким-то загадочным причинам чудильщик и не думал мне открывать. Я нажала на ручку и вдруг оказалась на пороге, а не где-то еще, не в трактире, не на улице. Помялась в крошечной прихожей, сплошь заставленной книгами, и, сжимая в левом кармане бусы-четки, с батоном наперевес, зашла внутрь.

Оказалась в светлой и просторной комнате. В глаза сразу бросились две фигуры: мальчишка лет десяти и молодой мужчина. Последний сидел на табурете, а мальчишка вытирал с него кровь. Под глазом у мужчины наливался синяк. Я удивленно захлопала ресницами, и тут они меня увидели. Мужчина даже с табурета приподнялся.

Я успела заметить лишь огромное количество книг, которые стояли и лежали везде, а потом уставилась в его глаза и пропала. Это был тот самый туманно-серый взгляд. Стариковский. Я выпростала руку из кармана и зажала себе рот. Мыслимо ли? Но мужчина... это был он. Человек с лестницы, лет на пятьдесят младше.

– Кто вы, сударыня? – спросил он, а я покосилась на мальчишку – лишнего на этом празднике жизни.

Курносый, с болотными глазами, наглого, хулиганского вида.

– Я могу поговорить с вами наедине?

Сомнений в том, что это чудильщик, у меня не оставалось.

– Между прочим, я его подмастерье, – подбоченился пацан.

Мужчина зашикал на него, предостерегающе взял за рукав:

– Ты и так уже сегодня наговорил нам на проблемы. Ну, хорошо, что ты у нас даровитый, а то бы я так весь и вышел.

Мальчишка фыркнул, отдал мужчине тряпку и ушел на второй этаж, посекудно на меня оглядываясь, даже как будто несколько злобно. Я проследила, пока он не скрылся за дверью комнаты, а дальше у меня пол ушел из-под ног. Очнулась я почему-то на табурете. Мужчина качал головой и натирал мне виски мазью:

– Порядочные наши вами перекусили, что ли? – спросил он со вздохом. – И откуда вы все на мою голову.

Я тут же покраснела и почувствовала себя, на удивление, лучше.

– У меня с вами сделка, между прочим, подтвержденная этим вашим Великим Хаосом, – прошипела я.

Мужчина отнял пальцы от моего лица (давно пора!) и посмотрел на меня внимательно.

– Вы ведь Питер, чудильщик? – уточнила я.

– Он самый, – отозвался Питер через мгновение, будто залипнув на мне. – А вы?

– Марго... – ответила я, вспоминая историю дурацкого прозвища и все, что с ним было связано. – Маргот.

– Красивое имя, – отозвался Питер, все так же вглядываясь в меня своими туманными озерами, и мне показалось, что я тону. – Но дело в том, Маргот, что я не заключаю сделки и я не... Словом, не пользуюсь именем Великого Хаоса всеу. На сегодня хватит уже.

Мне вдруг пришло в голову, что старик запросто мог быть его отцом или дедом. Я покраснела еще сильнее и почувствовала себя совсем нормально, бог знает, по каким причинам.

– Но я вижу, что мы с вами связаны. и это, Маргот, откровенно говоря, просто невозможно. Объясните мне, как вы сюда попали. Вы ведь не с Изнанки?

Я подумала. Потом подумала еще. Потом поняла, что озеро требуют ответа – и пошла ва-банк.

– Нет, не с Изнанки. И да, мы с вами связаны. Вы понимаете...

Он поднял руку с частично знакомыми перстнями, и я замотала головой, отгоняя наваждение:

– Не объясняйте. Я вижу связь и понимаю, что она из будущего. Мне не хочется знать, насколько отдаленного. Что я должен сделать, Маргот?

– Может быть, – тихо начала я, – вы сначала расскажете, что случилось? И где я нахожусь? Понимаете, я вообще не знаю, что происходит, а понять не могу. Я ничего не могу. Я ничего не контролирую. Я шла к вам от ворот, чуть не двинулась умом. Мардж сказала искать «Кривой глаз», а я попала в «Кривой клык» и...

– Куда? – ужаснулся Питер. – К порядочным все-таки?

Я похлопала глазами, подумала и сняла ставший слишком жарким халат. Аккуратно сложила на коленях, придерживая бусы через карман.

– Я не знаю. Я подумала, что это вампиры. Они меня схватили, как только я заговорила про вас.

– Про меня! – Питер вскочил на ноги. – Маргот, да как вы живы остались! Я в ужасе от того, что вы мне рассказываете.

– Сама не в восторге, – нахмурилась я. – Просто объясните, что происходит. Я не с Изнанки, но мне сказали... что нужно пройти Изнанкой, чтобы желание сбылось. Мне это очень надо, я готова ей идти, только расскажите про правила.

– Как вы от порядочных выбрались? – Питер отошел за прилавок. – Вы их «вампирами» называете, мне незнакомо ни слово, ни его значение.

– Они кровь пьют? – уточнила я.

Питер наклонился за деревянную стойку (отдаленно напоминавшую барные) и стал греметь стеклом:

– Кровь? – уточнил он рассеянно. – Вообще, они просто забирают молодость и время. А кровь... Это как вообще, пить кровь?

– Я не понимаю, как забирать молодость, – честно отозвалась я. – Мне просто повезло. Я батоном отбивалась. Он в дубину превратился.

Питер вынырнул из-за стойки. Его внешность, как я только что поняла, постоянно претерпевала изменения, метаясь

от юноши, почти моего ровесника, до мужчины лет двадцати восьми. (Хотя я иногда путала тридцатилетних с плохо выглядящими двадцатилетними.)

– Хлеб. В дубину. Кстати, спасибо! – Он погладил длинными пальцами батон, почему-то лежавший на стойке. – Это хорошо, прекрасный знак, мы справимся.

Я выпала в осадок в очередной раз. Видимо, все мое недовольство было написано на лице, потому что Питер замотал головой, снова нырнул под прилавок и продолжил уже оттуда:

– Похвально, что вы тут. Неужели порядочные отпустили?

– Нет, меня спасли слуги Великого Хаоса. Я бы не убежала, хотя и пыталась.

Питер уронил что-то. Я ждала объяснений.

– По дороге ко мне вас спасли слуги Великого Хаоса? – уточнил он, появившись из-за прилавка с розовой склянкой в руках.

Рядом со мной он был через мгновение, быстрый и резкий.

Я кивнула. Питер показал на скулу разных оттенков пурпурного и фиолетового с рассеченной кожей посередине:

– До вас они устроили мне неплохую встречу. Деловую. Это были сборщики податей. Маргот. Вот, выпейте, придаст вам сил. Боюсь, на год-другой они вас успели состарить, но зелье поможет. Да не бойтесь, сам варил.

Я взяла склянку с некоторым опасением, повертела ее так

и смяк, открыла и сделала глоток. Было на удивление вкусно и вовсе не противно.

– Я даже не знаю, с чего начать рассказ, – вздохнул Питер, забирая пустой сосуд. – Давайте с того, что есть два мира, ваш, как я понимаю... В общем, в вашем мире была магия. Она в итоге породила наш.

Он помедлил, а потом вылил на меня целый ушат информации. Я сидела на табурете и хватала ртом воздух.

Оказывается, у нашего мира имелась обратная сторона, появившаяся очень давно в результате того, что все волшебство было изгнано. Собственно, оно и ушло на создание изнаночной стороны, поэтому здесь магии тоже не водилось. Изнанка зажила собственной жизнью, здесь всегда было не то что у нас, и сюда иногда проваливались необычные люди, которые не нашли места под нашим солнцем. Я чуть было не крикнула про Таньку, но сдержалась. Сам Питер знал о нашем мире только по книжкам.

Он долго расспрашивал меня о царившем у нас порядке. Я объясняла, что особого порядка нет, все стремится к энтропии, как доказали физики, но все же лошади обычно ездят не задом наперед, и таких сумасшедших приключений не сыщешь. Зато и батоном от бандитов не отмахнешься, он как был хлебом, так и останется. На этом моменте Питер горестно вздохнул, зачем-то сходил посмотреть в окно (денек был все таким же погожим), постучал по стене, наморщился и выдал, что раньше у них тоже царил более-менее чет-

кий уклад. Хаос, конечно, прорывался, случались целые за-
пруды из неприятностей, и на этот случай были придуманы
порядковые. Они с детства учились тому, чтобы исправлять
пошедший дождь из лягушек на обычный, с водой. Однако
в последнюю войну победили приверженцы Великого Хаоса,
жившие в отдельном городе-государстве, и теперь нор-
мальным считалось все то, что я видела сегодня. Порядковые
под влиянием происходящего стали порядочными – обы-
чные живые люди; а кто-то и из могил восстал. (Это объясни-
ло специфическую внешность.) А Питер... Питер сделался
чудильщиком. Его по какой-то причине оставили, не стали
трогать, но строго-настрого запретили называться порядко-
вым, так что теперь он якобы творил чудеса. В Великом Ха-
осе было место и организованности.

На этом моменте голова у меня окончательно пошла кру-
гом, и я попросила поесть. Питер нахмурился, положил руку
на прилавок и взмолился Великому Хаосу. Взмолился как-
то по-своему, довольно зло, но тот выдал ему на-гора три та-
релки, полные вкусной еды.

– Джек! – позвал Питер и жестом показал на колченогий
стол, привалившийся к одному из окон.

Курносый тип выбрался из комнаты (возможно, даже не
подслушивал), кубарем скатился вниз, ревниво зыркнул на
меня и плюхнулся на самое хорошее место.

– Деловой шибко, – пояснил Питер, щелкнул пальцами –
стулья поменялись местами, – после чего помог мне усесть-

ся. – Повежливее, слышишь. Это Маргот, наш первый клиент.

Курносый аж на месте подпрыгнул и ложку уронил:

– Сударыня, простите, я не знал! Я понятия не имел, что вы наш первый клиент.

Мне подобное было знакомо по школе, поэтому я уточнила:

– А что, ко мне надо относиться нормально, только если я клиент?

Питер хмыкнул и начал быстро есть, потом спохватился и опять умчался куда-то к прилавку. Угловатый, неровный, резкий и, наверное, очень красивый, хотя довольно старый по моим меркам.

– Сейчас, сейчас. – Он разломил принесенный батон пополам.

Внутри была ядовитая зелень, и я даже закашлялась от омерзения.

– Сейчас.

На моих глазах хлеб стал нормальным, и Питер выдал нам по здоровенному ломтю.

– Возвращаясь к вашему вопросу, сударыня, – сказал курносый. – Я вовсе не прав, признаю. Дело в том, что сегодня с утра мою маму забрали королевой в соседнее государство, и я сам не знаю, что несю.

6. Цель

Обед мы продолжили в спокойном молчании: я поняла, что никто не собирался на меня нападать. Курносого даже стало жалко. Я все еще держалась за халат, следя за тем, чтобы бусы не выскользнули. Мысли в голове более-менее прояснились: чудильщик единственный боролся со всеми этими стражниками и лошадьми задом наперед, но все время был вынужден балансировать на грани. Джек напросился к нему в подмастерья за час до моего прихода, потому что больше ему деваться было некуда. Оказывается, проблемы имелись не только у меня. Оказывается, у кого-то вся жизнь была одной большой проблемой.

Я ела и думала, что меня это почему-то не задевает. Я помнила свое: звонишь Таньке, а трубку поднимает ее мать и говорит, что Таньки больше нет. Но к Джеку я все-таки прониклась. Просыпаешься утром, а плачущую маму волокут царствовать. Тебя просто не принимают в расчет. Та еще участь.

Наконец мы отставили тарелки, и Питер послал Джека их мыть.

– Я знаю его с рождения... – произнес он тихо. – Вернее, я способствовал его нормальному рождению, но я не предсказатель, я не мог предвидеть, что Морену заберут – да еще королевой в Царство Хаоса. Увы. Расскажите, почему вы на

Изнанке.

– А у вас что угодно может случиться? – поинтересовалась я, прикидывая варианты.

– Даже мертвые возвращались как-то раз, – подтвердил Питер. – Только против этого совсем все взбунтовались.

– Почему? – не поняла я, и сердце обиженно застучало. – Их никто не любил, этих мертвых?

Питер поднял на меня взгляд, полный тоски, и я покачала головой, раздражаясь. Только начала вникать в происходящее, как снова назад... по шахматной доске. Не зря тут лошади так ездят. Хорошо, хоть не буквой «Г».

– Любили, конечно. Любили, смирились, отпустили. А потом к ним пришли мертвые жены, дети, братья, родители. Это тяжело.

– А я не хочу отпускать! – рывкнула я, не уследив ни за тоном, ни за громкостью.

Сердце бухало в ушах.

Питер откинулся на тонкую спинку и закусил губу.

– Понимаю. Вот теперь понимаю. Это вы так не хотели отпускать, Маргот, что провалились на Изнанку? Ничего себе силища.

– Да не у меня, – мгновенно сдувшись, пояснила я. – Не у меня силища.

– А у кого тогда? – спросил он серьезно и совсем не вздернуто.

Я поерзала на стуле, вслушиваясь в плеск воды.

– Подруга, – произнесла я, и голос предательски задрожал. – Ее убил отчим.

Питер, кажется, хотел что-то спросить, но лишь подбородок опустил: мол, слушаю.

– И я очень не хочу ее потерять.

Слова ударились о стены и отскочили назад, побежали звуковой волной по мне и всему дому.

– Извините. – Питер поежился. – У меня обычно не действует... тот, кто у нас действует везде. Но иногда случаются пертурбации. А вы хотите вернуть подругу из мертвых, да так сильно, что даже мои способности не выдерживают, сталкиваются с вашим желанием. Оно объяснимо, но противоречит ходу вещей.

– Танька жива, – решила зайти с козырей я. – Она совершенно точно жива, просто...

– Объясните, это важно. Мертвые к нам не проваливаются.

Я закусила губу.

– Видела ее во сне. С зеленоглазым парнем. Парень меня за руку схватил, потянул, смотрю – а там она. Живая. В портале изумрудном. Я по такому же в ваш мир попала. Только по синему.

– Синему? – недоверчиво рассмеялся Питер. – И там был еще один? Но тогда я уже не... Стоп, запутался. Мои порталы – а проще говоря, коридоры – будут синими, я твердо это знаю. Но потом, пока их нет даже в проекте.

Я пожалала плечами.

– Так с ней был другой. Это все, что вы можете вспомнить из сна?

– Она ждала его в портале и совершенно на меня не смотрела. А кто с ней был?

– Чудильщик, – отозвался Питер совсем озадаченно. – Но у нас теперь заведено, что по чудильщику на город... И я не знаю никого, похожего на описание.

– А подмастерье ваш? – вдруг резко спросила я.

Будто холодом обдало, глаза-то зеленые. Питер посмотрел на меня совсем уж пристально и даже будто зло.

– Сколько лет ему на вид?

– Как вам сейчас, – отозвалась я. – А Танька тоже взрослая была. Я потому и решила, что она не умерла. А мой друг увидел во сне ст... В общем, того, кто привел меня сюда, и мы с ним поговорили. Он сказал, что мне нужно пройти Изнанкой до самого конца. И что я справлюсь.

– Вот же незадача. Теперь я тоже не понимаю, что происходит в целом и почему время движется так странно. – Питер потрянул головой. – Обычно оно течет одинаково. И да, в своем мире вы вышли на лестницу и пропали. Вас нет уже некоторое время.

– Откуда вы знаете про лестницу... – я прервалась, осмысливая сказанное. То есть как – пропала? – В наших сказках мы всегда попадаем обратно в ту же минуту, откуда вернулись. Или даже раньше.

– Только в ваших сказках, к сожалению. – Питер почесал в затылке и снова посмотрел сочувственно. – Поэтому вряд ли я или Джек имеем отношение к вашему сну. Хотя странно. Совпадений не бывает.

– И в этом расходимся. У нас постоянные совпадения, – сказала я мрачно.

– Давайте закончим разговор, он пока что лишен смысла. Вот что. Завтра мы с Джеком выходим на поиски Морены. Я почти уверен, что, если ваша подруга провалилась сюда, как бы то ни было, она тут, в Тильграде. Я спрошу знающих людей.

– А далеко его мама? – Я не знала, радоваться или нет.

– Как сказать. Соседнее королевство – через всю Изнанку. То самое, что нас завоевало. Рядом, в основном, города, деревни да герцогства.

– А почему вы думаете, что Танька не может быть где угодно?

– Обычно они оказываются у нас. Последней была Ирина. Сейчас ее зовут по-другому, конечно.

– Старая такая?

– Пожившая.

– Она меня к вам и отрядила.

Питер чуть мотнул головой:

– Она могла. Я за ними присматриваю. А и правда, давно новеньких не было.

Я хотела было ответить, но тут с заднего двора примчался

Джек. Я украдкой бросила взгляд на его длинные ресницы и заподозрила что-то совсем нехорошее. Сколько же, в таком случае, лет мне ждать Таньку?

– Ну, что клиент? – спросил Джек, размазывая грязь по лицу.

– А что клиент. Нам нужно найти ее подругу.

– А это по нашей части? – изумился Джек.

– По нашей, по нашей. Так. Маргот, дайте я вас провожу в гостевую комнату, полагаю, так будет лучше для всех. На-
сущными вопросами займемся завтра.

– Уже? – не поняла я.

– Да солнце сейчас сядет, – сказал Питер. – Зрелище интересное, но вы привыкнете.

Мы прошли на второй этаж, и я оказалась в уютной комнате, словно придуманной для младшей сестренки: широкая деревянная кровать с одеялом, сотканным из кусочков, цветы на окне, будто часть оранжереи взяли и скопировали сюда с какой-то не слишком правдоподобной фотографии. Маленький столик, на котором ничего не стояло, большой шкаф. Тут кто-то жил до меня?

– Смотрите, – Питер указал на окно, и я отвлеклась от полусонных мыслей.

Солнце не то чтобы село. Оно на моих глазах скатилось по небу вертикально вниз. – А... а физика? – спросила я.

– Я не вполне понимаю, о чем вы.

Я мгновенно вспомнила приключения в «Кривом клыке»

и решила, что стоит снять вопрос с повестки дня.

– Наряд поудобнее мы вам завтра справим. Вы прекрасно одеты, сударыня, но я так думаю, в этом лучше спать, а не бегать по Изнанке.

Я посмотрела на Питера с благодарностью. Оказывается, мне ужасно не хватало нормальности, весь этот день. Раньше я бы обиделась на замечание, но тот факт, что хоть кто-то узнал обыкновенную пижаму, страшно меня обнадежил.

Ринат сидел в комнатке с картой района на стене и играл на телефоне. Иногда проверял сообщения, особенно часто – нашу с ним ветку в мессенджере, и тревожно поглядывал на часы. Скорее волновался, чем нет, но все-таки держал себя в руках. Я сидела на подоконнике, и меня он очевидным образом не видел. Я искала глазами портал, но не нашла – ни синего, ни зеленого.

В комнату вошел незнакомый капитан – за время наших странствий по разнообразным инстанциям я успела научиться считать звездочки.

– Ринат Сергеевич, отвечать будем?

Ринат помотал головой.

– Вам нечего добавить? И по поводу местонахождения вашей подруги тоже?

Он явственно вздрогнул и взволнованно посмотрел на капитана:

– До сих пор не нашли?

– Представьте себе. Ладно, вы пока свободны, но имейте в виду, что это только пока. Времени у нас полно, будем спрашивать, пока не услышим... вы поняли меня.

Ринат, не медля, встал и вышел, и я поняла, что таю и проваливаюсь на глубину, на Изнанку.

Утро встретило меня грохотом. Я подскочила на кровати, ударилась затылком обо что-то и обернулась. Увидела незнакомое плетеное изголовье, перепугалась, а потом вспомнила все, включая чудной сон, который очень походил на реальность. Мне на мгновение стало стыдно, что я подглядываю.

В дверном проеме появился Питер:

– Маргот, проснулись? Сегодня у нас жестянки вместо пестушиного крика, это Святейший Хаос, возблагодарим его. Пойдемте, нам пора по лавкам.

– А они разве уже открылись? – сонно поинтересовалась я.

– Как повезет. Но вставайте. Сначала к Илли, за одеждой, потом дорожные необходимости.

– Лошади? – спросила я, все еще зевая и смотря на то, как полутемное звездное небо гаснет, меняется на розовое, и ровно до середины доезжает солнце, точно в кукольном театре.

– Нет, пойдем мы пешком, разумеется. С лошадьми мороки не оберешься. Но дорожные сумки, припасы – нам все это надо. Забежим к Эрику.

Я вылезла из кровати. Удивительно бодрый Джек прово-

дил меня до бадьи с водой, я умылась, и мы пошли завтракать. На завтрак было что-то вроде каши, Питер объяснил, что до восхода приходила молочница. Кашу я терпеть не могла, но вдруг съела все с удовольствием, хотя собиралась поковырять ложкой из вежливости и даже не пробовать.

– Пойдемте, – поторопил нас Питер.

– Я провожу сударыню Маргот, – отозвался Джек. – К магазину Илли.

Питер покачал головой, и я вздохнула с облегчением.

– Не хочу вас оставлять вдвоем, Маргот вчера успела прогуляться. К самым порядочным занесло.

У Джека аж глаза из орбит вылезли:

– Да вы что, сударыня! Как же так!

Я развела руками, и мы отправились в путь по утренней прохладе.

Присутствие Питера каким-то образом делало все более нормальным. Я даже рискнула оглянуться – улица была на месте. И хаотичных происшествий случалось явно меньше. Мы прошли вверх, сделали несколько поворотов, не доходя до «Кривого глаза», и вот уже стояли перед лавкой с одеждой. Питер постучал.

Дверь открыли не сразу, но все-таки открыли. Наружу вылетела хорошенькая молодая девушка, повисла на шее у Питера, расцеловала в щеки.

Я испытала что-то неприятное, словно кто-то кольнул меня под ребро, да не то чтобы сильно, а в шутку... и все-таки.

– Здравствуй, Илли.

– И ты будь. Дети здоровы, слава богу! Как я рада, что ты у нас есть! Чем могу служить?

Питер будто даже смутился:

– Нечему радоваться-то. Можешь нарядить сударыню нашу Маргот и Джека для похода? Очень нужно.

Илли закивала и утянула нас внутрь.

7. Сборы

– Нет, не пойдет, – покачала головой Илли.

Я стояла уже в пятом по счету наряде, а она все не давала мне посмотреть на себя. Вместо зеркал здесь был отполированный металл – по какой-то прихоти судьбы или Великого Хаоса, этого я пока не поняла. На Изнанке не добывали ртуть? Я в очередной раз выпала в свой привычный мир.

Началась примерка с того, что Илли захлопнула дверь, заперла ее на засов и закрыла ставни на окнах, после чего зажгла три светильника и погнала Джека в погреб за одеждой. По всей видимости, Питера здесь очень любили и рады были ему помочь. Снова оцарапало где-то под ребром. И снова я не поняла почему, ведь я в Москве Рината оставила, и у меня даже план был. Я боялась смотреть вперед, но он был. Вернуть Таньку, вернуться в Москву, а потом невзначай пойти гулять и, например, чмокнуть Рината в щеку, встав на цыпочки...

Тут до меня дошло, что я не рассказала Питеру про сон, а это было важно, кто-то же подсказал мне, куда смотреть, как смотреть, направил мой взгляд. Возможно, другой чудильщик следил за нами, а я все прошляпила.

– Следующий костюм! – воскликнула Илли. – Не спим, Питер упомянул, что нужно ехать. Поторапливаемся.

Я уныло поплелась в примерочную, перескочив мыслями

на чьих-то здоровых детей и невысказанную радость Илли.

– Опять заснули?

– Да не сплю я, а бодрствую! – я топнула ногой и дернула рубашку сильнее чем надо. Ткань затрещала, но выдержала. – Илли, но почему вы? И почему вам не нравится ни один наряд?

В стенку стукнули. Я с недоумением распахнула створки. Передо мной стояла хозяйка, красная до корней своих светлых, почти белых волос. Сзади маячил Джек с кучей одежды в руках.

Я поняла, что мне не удалось скрыть эмоции, и приготовилась к выволочке. Захлестнул злой, тягучий интерес: зачем Питер доверил нас ей? Куда убежал?

– Маргот, сударыня моя, – сказала Илли, глядя снизу вверх. – Вы знаете, кто такой Питер, не правда ли?

Я кивнула. Джек очень манерно закатил глаза (откуда набрался) и смешно жажнул одежду на табурет, уселся на пол, во все свои болотные глаза глядя на меня. Для полноты образа ему явно не хватало попкорна.

– Знаю, – сказала я, опираясь лопатками на заднюю стенку примерочной.

Мне не то чтобы хотелось спать, – я отлично выпалась на перине в доме Питера, не считая того момента с видением Рината, – но тревожило неясной мутой. Мир казался нереальным. Вся эта Изнанка с пряничными домиками, с отполированными стеклами без ртути, без промышленности,

весь этот мир вверх ногами. Питер еще вчера успел сказать, что такой эффект после перемещения не просто возможен, а весьма вероятен, но я только сейчас осознала, каково это – опираться на твердую стену и думать, что сквозь нее провалишься.

– Хорошо. А теперь небольшая новость. Я такой же мастер, как и он. Занимаюсь подбором нужного наряда на нужный случай. Ни больше – ни меньше. Платье на свадьбу? Будет сидеть идеально, не изомнется, не порвется, не запачкается даже под ливнем. Рабочий костюм? С идеальным количеством карманов, не свободный, не узкий. Я закрыла лавку, чтобы хоть раз мне не мешало то, с чем Питер работает напрямую. Чтобы помочь вам. Его друзья – мои друзья.

И хотя Илли вздернула подбородок, я увидела, что ее злость ушла.

– А дети?

Джек аж подскочил на месте. Илли изогнула бровь:

– Что – дети? Или вы спрашиваете, в каких отношениях я состою с Питером, сударыня моя?

Я сглотнула. Разговор принимал дурной оборот. Я вроде и дурочкой не была, и в Питера не влюбилась безоглядно, а с чего-то взялась допрашивать незнакомую девушку.

– Милостивая сударыня Илли, – начала я, отталкиваясь плечами от стены и принимая вертикальное положение. – Я прошу прощения, если мой вопрос вас задел. Джек подтвердит, я плохо здесь ориентируюсь, была очень напугана,

еле добралась до дома Питера, с трудом убежала от порядочных... поэтому да, я, похоже, мелю чепуху.

– Что вы, что вы! – вдруг замахала руками Илли. – С чепухой надо обращаться бережно, не приведи Великий Хаос. Но я поняла что вы хотели сказать. Извинения принимаются. Одеваться будете? Если устали, скомбинирую что-то из старого.

– Буду одеваться, конечно, – ответила я, чувствуя, как по спине течет холодный пот.

Илли улыбнулась и закрыла створки.

Я, расстроенная, что на вопрос она так и не ответила, вдруг поймала себя на том, что научилась оправдываться встречей с местными вампирами. Покачала головой, стянула тугие сапожки, развязала шнуровку на брюках и вылезла из рубашки – только чтобы надеть следующий идентичный комплект. Распахнула створки, вышла наружу, с трудом сдерживая кислую мину.

Джек одарил удивленным взглядом, запрокинул голову назад, а потом глупо стал закрывать рот ладонями. Илли придиричиво уставилась на меня, обошла со всех сторон, вдруг захлопала в ладоши, попрыгала на месте и потащила к зеркалу.

– Это ваш наряд, сел как влитой. Он будет вам помогать, играть за вас и на вас, всегда.

Она продолжала говорить какие-то бесспорно важные вещи, а я смотрела на себя – и не узнавала. Из зеркала на меня

плялилась какая-то другая Ритка. Или, может быть, та самая пресловутая Маргот. Я была старше, чем раньше, явно выше и выглядела лет на семнадцать-восемнадцать. Через мгновение дошло: вампиры. А Питер, готовя снадобье, не рассчитал, сколько мне было изначально. Не мог знать, а почему не спросил – тоже тайна.

– Что-то не нравится? – Илли явно растерялась. – Если так, то переделаем. Носить ведь клиенту.

– Н-нет, – сказала я. – Просто дар речи потеряла.

Я сделала глубокий вдох, посмотрела в пол и снова подняла взгляд на металл. Будто во фронтальную камеру с плохим разрешением уставилась. Разглядела белую широкую рубашку с тонким шитьем, коричневые брюки, широкий пояс, высокие сапоги из мягкой кожи. Стоило это все, наверное, целое состояние.

– А! – отозвалась явно польщенная Илли. – В таком случае – прекрасно. Тогда, чтобы вы совсем лишились способности говорить, минуточку, у меня припасено кое-что еще.

Она отбежала за прилавок, а я, чтобы отвлечься от безжалостного отражения в зеркале, стала разглядывать магазинчик. Спроектирован он был похожим на дом Питера, только второй, жилой, этаж отсутствовал, да не было следов запустения. И вместо книг – до потолка ровными стопками были уложены вещи. Все блестело и сияло, даже при отсутствии дневного света. Я не знала, как Илли тут ориентировалась. Мастер – и этим все сказано.

Я перевела взгляд на Джека. Он тарачился на меня, бесстыдно отвесив челюсть. Когда я наконец сделала страшные глаза, рот он закрыл и кивнул чрезвычайно важно.

– Пялиться нехорошо, – сказала я.

– Зато сударыня у нас диво как хороша, – отозвалась подошедшая Илли. – Возьмите, вам пригодится.

Она приладила мне на пояс маленькие ножны, сноровисто и быстро, обвязала вокруг и потянула, чтобы проверить. Держалось крепко. Я достала серебряный кинжал и ахнула.

– Илли, да вы что. Я не могу принять такой подарок. Или мы должны расплатиться? Но у меня...

– Тихо, тихо, ну что вы раскомандовались, – пропела Илли, мгновенно куда-то деваясь, двигая деревянную лестницу, что-то откуда-то доставая. – Мне не нужна плата. Я возвращаю долг Питеру. Оба моих ребенка живы, здоровы и со мной. А вот сейчас оденем мальчика – отплачу его деду Джеку. Такие дома строил... Что мой, что лавку, что Питеров.

Джек, сидевший на полу, аж надулся от гордости. Мои догадки подтвердились. И в самом деле, работа одного человека.

– Питер многим... помог, да? – спросила я и снова уставилась в зеркало на скуластое худое лицо.

Щеки пропали, видимо, вместе с возрастом.

Илли появилась уже в полуметре от меня с огромной накладкой. Посмотрела оценивающе, наморщилась и снова исчезла.

– Очень многим, – отозвался Джек. – И дед мой тоже. Отличные дома строил, несмотря на весь этот Ха...

Илли локализовалась в дальнем углу и шикнула на всю лавку так, что чуть светильники не погасли:

– Ну-ка держи язык за зубами. Ты кого сюда хочешь привести?

Джек виновато повесил голову и на этот раз не юродствовал:

– Привел вчера уже.

– К Питеру?

Джек виновато шмыгнул носом и промолчал.

– Понятно теперь, откуда синячище. Джек, в самом деле!

С явно испорченным настроением Илли накинута мне на плечи нечто похожее на плащ, молча стянула и пошла за следующим.

– Я знаю о твоей беде. Но поминать эти слова всуе, а то и с негодованием – просто недопустимо. Ты не на себя беду навлечешь, а на старших. Питеру и так хватает. О нем вспоминают время от времени, и тогда он ходит тут ужасно красивый, но синий. А то и с ребрами поломанными. Или вот на сударыню накличешь!

– Но мамку! Королевой!

– Вы идете за ней, так что молчи, будь добр.

Илли снова будто соткалась из пространства рядом со мной, протянула что-то змеящееся. Я надела, обернулась, закрепила у шеи и даже без вздохов восхищения поняла, что

образ закончен. Это была тонкая и легкая чешуя какого-то синего животного. Она совершенно не грела, но давала ощущение спокойствия.

– Всех разбойников привлечем, – сказал Джек скептически.

– Ой глупый! Невнималка это. Наоборот смотреть мимо будут.

– Точно не расплатимся! – восхитился Джек, а я только и смогла, что переспросить:

– Невни...?

– Невнималка. Шкура ящера, друзья видят, посторонние проводят взгляд мимо. Ты ее носи пореже, я для основной дороги дам такой же край, но из холщевины. А про плату не думай. Отец моих детишек – принц Черный. Отнять хотел, пользуясь силами понятно чего. А Питер не позволил. Вот в тот раз его били так... что еле всем городом выходили.

Я даже дернулась, будто и мне досталось:

– Да что ж такое. Вы об этом говорите как об обыденной вещи, сударыня Илли!

– Обыденность и есть. К сожалению, большому, нашему, это обыденность для Питера. Над ним насмеялся тот...

– Кого нельзя называть? – предложила я цитату из «Гарри Поттера» и сразу поняла, насколько нелепо она звучит.

Дела тут творились похлеще, чем в любой, даже самой страшной, сказке.

– Он самый. Насмеялся над Питером. Оставил ему про-

фессию, одному, выбрал из десятка других, любовь отнял и периодически бьет за мастерство. Мы давно говорим ему отказать, а он упрямый... эх. Не знаю, что без него делать будем. Но раз надо идти, то идите.

Она бросила печальный взгляд в зеркало.

– Пострел, ну-ка залезай на полки, тоже мне, подмастерье нашелся. Давай и тебя собирать. Поживее!

Джек полез на дальний стеллаж. В этот момент в дверь застучали.

8. Айним

Мы втроем стояли у того самого переулка и спорили до хрипоты. Джек даже кашлять начал. Илли выпроводила нас без платы, о чем-то пошептала с Питером, поглядывая на меня, надеюсь, ничего важного не наболтала, а потом мы долго шли, и я подумывала рассказать про свой настоящий возраст, но смолчала.

На границе света и тьмы дело, откровенно говоря, застопорилось. Питер наотрез отказывался брать нас в переулок, я наотрез отказывалась его отпускать: пока что находилась в относительно здоровом уме и помнила, что он сказал по поводу вампиров накануне.

Джек внезапно занял мою сторону. Одет он теперь был столь же стильно и удобно, как и я, и держал маленькую дорожную сумку, словно щит. Я растерянно трогала свою – там, где во внутреннем кармане лежали бусы, – словно надеясь, что они мне дадут совет.

Мы стояли и препирались до тех пор, пока в переулке не скользнула тень.

– Что тебе надо, чудильщик? – процедил мужчина.

Его можно было бы назвать молодым, если бы не цвет лица.

– Эжен? Какими судьбами? – тяжело вздохнул Питер, отрываясь от нас.

Джек пнул ногой камешек. Маленькое облачко пыли, золотое от света, вдруг потемнело и осело на булыжник черными блестками.

– Да не хаотическими, не подумай.

Эжен говорил так, будто змея шипит, и меня это откровенно пугало.

– Ты позаботился о ней? – спросил Питер.

Тот фыркнул и не удостоил его ответом, а Питер прикрыл глаза рукой. Зато порядочный вдруг заметил меня:

– Это вчерашняя красоточка, что ли? Неужто до тебя добралась? Шустрая, батонами драться. А ты опять налажал, да?

Питер настороженно посмотрел на меня, перевел взгляд на Эжена:

– Не знаю, о чем ты. Мне нужна Айним.

– Да с возрастом, дурень. Зелья посильнее не было?

– С каким еще возрастом? Айним позови, будь добр, или отодвинься, я сам пройду.

– Крошке лет шестнадцать было до нас. Пока бежала со всех ног, до двадцати двух состарили. А ты что сделал? Восемнадцать?

Питер едва заметно дернулся, будто действительно воспринял это как упрек.

– Разговорился, – сказал Джек внезапно. – Ага. Мертвыть, а туда же.

Все опешили. Точно по Гоголю, случилась немая сцена.

– Сказали привести Айним – приводи.

Эжен попытался рассмеяться, но я услышала змеиное шипение.

– Что за горе такое?

– Подмастерье мой. Из вас двоих он говорит по сути. А вот что несешь ты – я даже понимать не хочу.

– Пошли. – Эжен развернулся.

И Питер под нашими негодующими взглядами сделал шаг в темноту.

– Эй, эй, своих тоже бери, – Эжен вдруг обернулся тенью, взвился в воздухе, как черный дым, и оказался рядом со мной, близко-близко.

Я отпрянула.

– Или проваливай. Айним ему еще подавай.

Питер, совершенно не поменявшийся, мягко посмотрел на нас уже оттуда:

– Кормиться ими не будете.

– Да ты ж не позволишь, куда нам. Но хоть попугаем всласть, а из девчонки и так уже отпили. Милая, а что же ты Питеру не сказала? Постарше хотела быть?

Я решительно шагнула внутрь и толкнула Эжена плечом. Он обернулся тенью, но ничего сделать не успел – Питер дернул меня на себя.

Ввалившийся следом Джек грохнул его сумкой по колену и устроился у Питера в левом фланге.

– Ух ты, – выдал Эжен и поклубился вперед. – Нашел себе

компанию, будто наша плоха была. Рыжая-бесстыжая и самородок-выродок. Только не забивай меня сумкой насмерть, хозяина твоего к Айним тогда не пустят.

– Он не выродок, я ему не хозяин, а стыд потерял один ты. Вспомни, что я предлагал вам свою помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.